

Рэнду и Джуди Холстон

Мысль придает миру лишь видимость
порядка — для тех слабых духом, кого
убеждают такие инсценировки.

*Колин Уилсон. Страна слепых**

* Название первой главы романа Колина Уилсона «Посторонний» (1956). — *Примеч. ред.*

Арест

14 ИЮЛЯ

1

Машина была неприметной, без всяких опознавательных знаков: обыкновенный американский седан, не старый и не новый, — но его принадлежность сразу же выдавали покрышки с черными боковинами и люди в салоне. Двое спереди в синей форме и один сзади — человек-гора в штатском. Двое черных мальчишек — один держал ногу на исцарапанном оранжевом скейтборде, второй засунул свою ярко-зеленую доску под мышку — стояли на тротуаре и наблюдали, как неприметный седан заворачивает на стоянку у входа в парк Эстель Барга. Потом они переглянулись, и первый сказал:

— Это копы.

Второй согласился:

— В натуре копы.

Без лишних слов оба запрыгнули на скейтборды и покатали прочь. Правило было простым: если поблизости появляются копы, пора делать ноги. Жизнь чернокожих тоже кое-что значит, так их учат родители, но полицейские не всегда с этим согласны. Трибуны бейсбольного стадиона взорвались воплями болельщиков и ритмичными аплодисментами. В конце

девятого иннинга «Золотым драконам Флинт-Сити» до победы оставалась одна пробежка. Сейчас была их очередь отбивать.

Мальчишки ни разу не оглянулись.

2

Показания мистера Джонатана Ритца [10 июля, 21:30, допрос свидетеля провел детектив Ральф Андерсон]

Детектив Андерсон: Я понимаю, что вы сейчас чувствуете, мистер Ритц, но мне надо знать, что именно вы видели сегодня вечером.

Ритц: Я никогда этого не забуду. Никогда в жизни. Наверное, мне нужно успокоительное. Может быть, «Валиум». Я в жизни не принимал ничего такого, но теперь бы не отказался. У меня до сих пор ощущение, будто сердце стоит комом в горле. Если ваши криминалисты найдут блевотину на месте преступления... а они ее точно найдут... то пусть знают, что это моя. И я нисколько не стыжусь. Любого бы вывернуло наизнанку, если бы он увидел такое.

Детектив Андерсон: Я уверен, что врач обязательно выпишет вам подходящее успокоительное, когда мы закончим. Думаю, я смогу это устроить, но сейчас мне нужно, чтобы у вас была ясная голова. Вы понимаете?

Ритц: Да. Конечно.

Детектив Андерсон: Расскажите мне все, что вы видели, и на сегодня мы с вами закончим. Вы в состоянии рассказать, сэр?

Ритц: Думаю, да. Сегодня, около шести вечера, я вышел выгулять Дейва. Это наш бигль. Вечером он ест ровно в пять. Мы с женой садимся ужинать в половине шестого. К шести Дейв готов делать свои дела. В смысле, по-маленькому и по-большому. Я гуляю с собакой, а Сэнди, моя

жена, моет посуду. Это и есть справедливое разделение труда. Справедливое разделение труда — важная составляющая крепкого брака, особенно когда дети выросли и разъехались. Это наше глубокое убеждение. Кажется, я заговариваюсь?

Детектив Андерсон: Ничего страшного, мистер Ритц. Рассказывайте, как считаете нужным.

Ритц: Пожалуйста, называйте меня просто Джон. Не люблю, когда ко мне обращаются «мистер Ритц». Как будто я крекер. Так меня в школе дразнили: Крекер Ритц.

Детектив Андерсон: Хорошо. Стало быть, вы гуляли с собакой...

Ритц: Все верно. Он что-то почуял... запах смерти, как теперь понимаю... и мне пришлось держать поводок двумя руками, хотя Дейв — мелкий песик. Он так рвался туда, на тот запах... Он...

Детектив Андерсон: Погодите, давайте вернемся немного назад. Вы вышли из дома номер двести сорок девять по Малберри-авеню ровно в шесть часов вечера...

Ритц: Может, даже чуть раньше. Мы с Дейвом спустились с холма, дошли до «Джералда» на углу, где продают всякие деликатесы, свернули на Барнум-стрит и оттуда пошли в Хенли-парк. Который дети между собой называют Хрен-ли-парк. Думают, взрослые не знают. Думают, мы ничего не слышим. Но мы все слышим. Во всяком случае, некоторые из нас.

Детектив Андерсон: Вы всегда ходите этой дорогой на вечерней прогулке с собакой?

Ритц: Иногда мы немного меняем маршрут, чтобы не надоедало, но в парк заходим почти всегда. Дейв любит все нюхать, а там много разных запахов. Рядом есть небольшая стоянка, но по вечерам там почти никогда не бывает машин, если только детишки-старшеклассники не приезжают играть в теннис. Сегодня они не играли, пото-

му что корты грунтовые, а днем был дождь. На парковке стоял только микроавтобус. Белый микроавтобус.

Детектив Андерсон: Фургон?

Ритц: Точно. Без окон, только сзади двойная дверца. На таких микроавтобусах мелкие компании обычно развозят товары. Кажется, это был «эконолайн», но я не ручаюсь.

Детектив Андерсон: На нем были какие-то надписи? Типа рекламы: «Кондиционеры от Сэма», «Пластиковые окна от Боба»?

Ритц: Никаких надписей не было. Просто белый микроавтобус, хотя очень грязный. Сразу видно: давно не мыли. Колеса тоже были в грязи. Наверное, из-за дождя. Дейв обнюхал колеса, и мы пошли в парк по гравийной дорожке, что ведет от стоянки. Где-то через четверть мили Дейв начал лаять и рванул в кусты справа. Тогда-то он и почуял тот запах. Чуть не вырвал у меня из рук поводок. Я пытался его оттащить, но он не слушался, только рыл лапами землю и лаял. Тогда я укоротил поводок — у меня рулетка, очень удобная штука — и шагнул следом за ним. Теперь он подрос и уже не гоняет белок и бурундуков, как раньше, когда был щенком, но я подумал, что, может быть, он учуял енота. Я как раз собирался вернуть его на дорожку... Пес должен знать, кто здесь хозяин, иначе вконец обнаглеет, и потом с ним не справишься... И вот тут я заметил первые капли крови. На листе березы, на уровне моей груди, то есть футах в пяти от земли. Чуть дальше снова была капля крови, опять на листе, а еще дальше, уже на кусте, — целое разбрызганное пятно. Кровь была еще свежей, красной и влажной. Дейв обнюхал ее и рванул дальше. И да, пока не забыл! Примерно тогда я услышал, как где-то сзади завелся двигатель. Может, я бы и не обратил внимания, но он так громко затарахтел, как будто глушителя вообще не было. Такой, знаете, грохочущий рев.

Детектив Андерсон: Да, я понял.

Ритц: Я не стану с уверенностью утверждать, что это был тот белый микроавтобус, и я возвращался другой дорогой, так что не знаю, уехал он или нет, но мне кажется, это был он. И знаете, что это значит?

Детектив Андерсон: Что же, Джон?

Ритц: Что, может быть, он за мной наблюдал. Убийца. Прятался где-то среди деревьев и наблюдал. У меня прямо мороз по коже, стоит только об этом подумать. В смысле, сейчас. А тогда я еще ничего не знал. Я думал только о крови. И о том, как бы Дейв мне не вырвал плечо из сустава. Мне было страшно, и я не стыжусь в этом признаться. Я уж точно не здоровяк, хотя стараюсь держать себя в форме, но мне уже хорошо за шестьдесят. Да я и в двадцать-то в драки не лез. Но я должен был пойти проверить. А вдруг там кто-то нуждался в помощи?

Детектив Андерсон: Это заслуживает уважения. А вы не помните, в котором часу вы заметили первые капли крови?

Ритц: Я не смотрел на часы, но, наверное, было минут двадцать седьмого. Может быть, двадцать пять. Я позволил Дейву вести меня. Но держал его на коротком поводке. У него-то лапы маленькие, он пройдет где угодно, а мне приходилось продирааться сквозь заросли. Знаете, как говорят о биглях? Происхождение у них высокое, ахождение низенькое. Он лаял как сумасшедший. Мы вышли на поляну, вроде как на поляну... не знаю, как оно правильно называется. Такой укромный уголок, куда влюбленные парочки ходят потискаться. Там посередине стояла гранитная скамейка, и она была вся в крови. И на земле под скамейкой все было залито кровью. А рядом лежало тело. Тот бедный мальчик. Его голова была повернута в мою сторону, глаза были открыты, а горло... его просто не было. Вместо горла — красная дыра. Его джинсы с трусами были стянуты до лодыжек, и я увидел... наверное, ста-

рую сухую ветку... она торчала прямо из его... из его... ну, вы сами знаете.

Детектив Андерсон: Я знаю, но мне нужно, чтобы вы это сказали для занесения в протокол, мистер Ритц.

Ритц: Он лежал на животе, и ветка торчала из его заднего прохода. Тоже вся в крови. В смысле, ветка. Часть коры была сорвана, и я разглядел отпечаток руки. Видел ясно как день. Дейв больше не лаял, он скулил, бедный песик. У меня в голове не укладывается, кем надо быть, чтобы сотворить такое. Это, наверное, какой-то маньяк. Вы же поймаете его, детектив Андерсон?

Детектив Андерсон: Да, конечно. Мы обязательно его поймаем.

3

Стоянка у парка Эстель Барга была почти такой же огромной, как парковка у супермаркета «Крогер», куда Ральф Андерсон с женой ездили за продуктами по субботам, и в этот июльский вечер она была заполнена целиком. На многих бамперах красовались наклейки с эмблемой «Золотых драконов», на задних стеклах некоторых машин виднелись надписи мылом: «МЫ ВАС ПОРВЕМ»; «ДРАКОНЫ СОЖРУТ МЕДВЕДЕЙ»; «КЭП-СИТИ, МЫ ИДЕМ»; «В ЭТОМ ГОДУ — НАША ОЧЕРЕДЬ». Со стадиона, где уже включились прожекторы (хотя до темноты было еще далеко), доносились крики и аплодисменты болельщиков.

За рулем неприметной машины без опознавательных знаков сидел Трой Рэмидж, ветеран, отслуживший в полиции двадцать лет. Кружа по стоянке в поисках свободного места, он сказал:

— Каждый раз, когда я сюда приезжаю, задумываюсь: кто такая Эстель Барга?

Ральф не ответил. Он был напряжен, мышцы сводило, кожа горела, сердцебиение зашкаливало. За годы службы в полиции он присутствовал при аресте многих мерзавцев, но тут все было иначе. Особенно жутко. И касалось его напрямую. Вот в чем самый ужас: это касалось его напрямую. Он не должен был производить этот арест — и сам это знал, — но после очередного сокращения бюджета в управлении полиции Флинт-Сити осталось всего три штатных детектива. Джек Хоскинс сейчас в отпуске, рыбачит в какой-то глуши, где ему самое место. Бетси Риггинс, которой давно пора бы уйти в декрет, сопровождает полицию штата к другому объекту в рамках сегодняшней операции.

Ральф очень надеялся, что они не слишком поторопились. Он высказал свои опасения Биллу Сэмюэлсу, прокурору округа Флинт, буквально сегодня, на совещании перед выездом на арест. Сэмюэлс был слишком молод для такой должности — тридцать пять лет, — но принадлежал к правильной политической партии и отличался изрядной уверенностью в себе. Не самоуверенностью, а энтузиазмом.

— Все-таки остаются некоторые шероховатости, которые хотелось бы сгладить, — сказал Ральф на том совещании. — Мы еще не собрали всех данных. К тому же он скажет, что у него есть алиби. Если он не сознается сразу, то наверняка скажет про алиби.

— Если он скажет про алиби, — ответил ему Сэмюэлс, — мы разнесем его алиби в пух и прах. Ты сам знаешь, что так и будет.

Ральф в этом не сомневался, он знал, что убийце не отвертеться, и все же ему хотелось бы провести более детальное расследование, прежде чем дать делу ход. Найти дыры в алиби этого сукина сына, расши-

ритель их так, чтобы в каждую можно было проехать на фуре, и вот *тогда* уже производить задержание. В большинстве случаев это была бы стандартная процедура. Но сейчас был особенный случай.

— Три пункта, — сказал Сэмюэлс. — Ты готов меня выслушать?

Ральф кивнул. Как-никак, им еще вместе работать.

— Во-первых, родители в этом городе, особенно родители маленьких детей, сейчас разъярены и напуганы. Им нужно, чтобы убийцу арестовали как можно быстрее, и тогда они снова почувствуют себя в безопасности. Во-вторых, у нас на руках неопровержимые улики. Железобетонные доказательства его вины. Ты согласен по первым двум пунктам?

— Да.

— Отлично, тогда переходим к третьему. Самому главному. — Сэмюэлс подался вперед. — Мы не знаем, делал ли он что-то подобное раньше — хотя, если делал, узнаем, когда начнем копать всерьез, — но мы точно знаем, что он сделал сейчас. Дал волю своим изуверским инстинктам. И стоит такому случиться однажды...

— Это может повториться, — закончил за него Ральф.

— Вот именно. Может быть, и не так скоро после Питерсона, но вполне вероятно. Господи, он же все время с мальчишками. С малолетками. И если он убил кого-то из них, надо действовать быстро. Даже если мы можем лишиться работы. Потому что иначе мы никогда себе этого не простим.

Ральфу уже было трудно простить себе, что он ничего не заметил раньше. Хотя он понимал, что это абсурд. Нельзя посмотреть человеку в глаза на большом пикнике в честь окончания сезона Малой бейсболь-

ной лиги и понять, что он замышляет немислимое преступление — холит его и лелеет, бережно взращает у себя в голове. Но от этого было не легче.

Теперь, наклонившись вперед, Ральф сказал Рэмиджу:

— Давай уже где-нибудь встанем. Проверь места для инвалидов.

— Штраф двести долларов, шеф, — заметил сидевший спереди офицер Том Йейтс.

— Думаю, в этот раз нам простят.

— Я пошутил.

Ральф промолчал, он был не в настроении для полицейских острот.

— Вижу свободное место для инвалидов, — объявил Рэмидж. — Даже два места.

Он припарковался, и все трое вышли из машины. Ральф увидел, как Йейтс расстегивает кобуру на поясе, и покачал головой:

— Ты с ума сошел? Там на трибунах полторы тысячи зрителей.

— А если он попытается сбежать?

— Тебе придется его ловить.

Прислонившись к капоту седана, Ральф наблюдал, как два офицера полиции Флинт-Сити направляются в сторону стадиона, прожекторов и переполненных до отказа трибун, рев которых не умолкал, а, наоборот, становился все громче и громче. Решение арестовать убийцу Питерсона как можно быстрее они приняли вместе с Сэмюэлсом (скрепя сердце). Решение арестовать его прямо на матче Ральф принял сам.

Рэмидж оглянулся.

— Ты идешь?

— Нет. Арестуйте его, зачитайте ему права четко и громко и приведите сюда. Том, когда поедem в уча-

сток, ты сядешь с ним на заднем сиденье. Я сяду спереди с Троем. Билл Сэмюэлс ждет моего звонка, он нас встретит в участке. Дальше мы им займемся, но арест производите вы.

— Но ведь ты ведешь дело, — сказал Йейтс. — Почему ты не хочешь присутствовать при задержании?

Ральф скрестил руки на груди.

— Потому что подонок, который изнасиловал Фрэнки Питерсона веткой и разорвал ему горло, четыре года тренировал моего сына. Два — в Детской лиге и два — в Малой лиге. Он прикасался к моему сыну, когда показывал, как держать биты, и я за себя не ручаюсь.

— Ясно, — сказал Трой Рэмидж, и они с Йейтсом пошли к стадиону.

— Да, и еще одно, — окликнул их Ральф.

Они обернулись к нему.

— Наденьте на него наручники сразу. Руки спереди.

— Это не по протоколу, шеф, — сказал Рэмидж.

— Я знаю, но мне наплевать. Я хочу, чтобы все видели, как его уводят в наручниках. Ясно?

Когда они ушли, Ральф снял с пояса свой мобильный и набрал Бетси Риггинс.

— Ты на месте?

— Так точно. Сажу в машине перед его домом. Со мной еще четверо ребят из полиции штата.

— Ордер на обыск?

— Зажат в моей потной ладошке.

— Хорошо. — Он уже собирался дать отбой, но тут ему в голову пришла одна мысль. — Бет, а когда тебе надо в роддом?

— Еще вчера. Так что, ребята, давайте быстрее, — сказала она и сама дала отбой.

4

Показания миссис Арлин Стэнхоуп [12 июля, 13:00, допрос свидетеля провел детектив Ральф Андерсон]

Стэнхоуп: Это надолго, детектив?

Детектив Андерсон: Совсем ненадолго. Расскажите мне все, что вы видели днем во вторник, десятого июля, и мы быстро закончим.

Стэнхоуп: Хорошо. Я вышла из «Джералда», где всегда покупаю продукты по вторникам. В «Джералде» все дороже, но я больше не езжу в «Крогер». Я вообще перестала садиться за руль после смерти мужа, потому что не доверяю своим реакциям. Я пару раз попадала в аварии, пусть и мелкие, но мне хватило. До «Джералда» от дома, где теперь у меня квартира... наш с мужем дом я продала и поселилась в квартире... так вот, до «Джералда» всего два квартала, и врач говорит, что мне надо больше ходить пешком. Это полезно для сердца. Значит, я вышла из магазина со своей маленькой тележкой, в которой лежало всего три пакета с покупками, большего я позволить себе не могу, цены сейчас просто жуткие, особенно цены на мясо. Уже и не помню, когда я в последний раз ела бекон... Вышла я и увидела парнишку Питерсона.

Детектив Андерсон: Вы уверены, что это был именно Фрэнк Питерсон?

Стэнхоуп: О, да. Это был Фрэнк. Бедный мальчик, мне так его жаль, но он теперь на небесах и больше не чувствует боли. Хоть какое-то, да утешение. У Питерсонов двое сыновей, и оба рыжие, как морковки, но старший — Оливер, вот как его зовут, — лет на пять старше младшего, если не больше. Раньше он разносил газеты у нас в квартале. У Фрэнка был велосипед с таким высоким рулем и узким седлом...